

Лилия Волкова, победительница «Книгуру» - 2017

«Книгуру»: «Звериный» сезон

Ксения КУЗНЕЦОВА

Подведены итоги подростковой литературной премии «Книгуру». В 2017 году на конкурс поступило 613 текстов из разных городов России.

Первое место заняла Лилия Волкова из Москвы с повестью «Под свозвездием Бродячих Псов». Второе место — за Антониной Мальшевой из Новосибирска за повесть «Кот забавен». Оба этих автора пока ещё мало знакомы читателям. А вот тройку призеров замкнул уже побывавший в детстве писатель Станислав Востоков с повестью «Брат-юнат».

Что интересно, тексты всех лауреатов в той или иной степени посвящены не только людям, но и животным, причём не только домашним, но и диким. Хотя эксперты конкурса назвали сезон «звериным», проблемы в произведениях поднимались человеческие.

Я придумала рассказ, причём для взрослых. Но когда я начала писать, оказалось, что рассказ получается детский. Точнее — безвозрастной, потому что он и про взрослых, и про детей одновременно, — рассказала историю создания своей книги Лилия Волкова.

«Книгуру» опровергает расхожее мнение в обществе о том, что подростки мало читают, и им это, собственно, и не интересно. Наоборот, читают с удовольствием. Тут у города Екатеринбурга есть повод для

О ПРЕМИИ

«Книгуру» — всероссийский конкурс на лучшее литературное произведение для детей и подростков. Конкурс учреждён Федеральным агентством по печати и массовым коммуникациям и некоммерческим партнёрством «Центр поддержки отечественной словесности». Победителей определяет детская жюри, куда входят читатели в возрасте от 10 до 16 лет.

гордости. Эксперты отметили самых активных читателей, которые принимали участие в голосовании. И ими стали читательницы Ирина Туманова и Анастасия Авраменко из Екатеринбурга.

У детской литературы роль решающая, — прокомментировал писатель Шамиль Идиатуллин, лауреат «взрослой премии» — «Большой книги» («О ней — на VI полосе»). Книга остаётся универсальным инструментом, который превращает человеческого ребёнка в человека. Литература должна соответствовать эпохе. Если читатель встречает текст не своего времени, он не считает его честным — и мы теряем читателя. Тогда мы не вырастим человека, который сделает большой шаг для человечества. А если ребёнок или подросток не будет учиться на литературе, ему остаётся учиться только на своём примере. Это не всегда безопасно.

В поисках новых смыслов

Антон Стуликов — о состоянии современной фантастики с позиции читателя

Пётр КАБАНОВ, Ксения КУЗНЕЦОВА

На страницах литературной полосы мы часто обращаемся к мнениям писателей. Но не менее важно и мнение читателя — такого же участника литературного процесса. Поэтому сегодня наш собеседник — настоящий фанат литературы, филолог, генеральный директор телекомпании «ОТВ» Антон Стуликов — рассказал об одном из самых популярных литературных жанров в России — фантастике.

— Давайте, начну с небольшого программного утверждения — «чучка не писатель, чучка читатель». Это я про себя, — рассказывает Антон Николаевич. — Я потребитель текстов. Я плачу деньги за чтение книг, которые доставляют мне удовольствие как в плане развлечения, так и развития.

— Раньше, например, у фантастов был ярко выраженный социальный и политический вызов... А сейчас?

— У какого писателя нет социального, политического, да хоть эротического, но вызова? Фантастика — это всегда утопия. Или антиутопия. Но, если говорить про борьбу с коммунистическим или другим режимом, накал, конечно, снизился. И не могу сказать, что это пошло в минус жанру. Но это совсем не принципиально. Гораздо важнее, что сменялись парадигмы. Это не политика — это социология. Те темы, которые поднимали Обручев, Беляев, Ефремов, Абрамов, сменялись на другие. В этом смысле «Повесть о Музе» Голдинга или «Волк» Фаула — не меньшая фантастика, я уж не говорю об Обручеве. И в отечественной фантастике — это всё, конечно, пошло от Стругацких. Суть не в том, что ничего нельзя было говорить и печатать. Просто это надо было сде-

Антон Стуликов: «Фраза Стругацких — «Счастье для всех, даром, и пусть никто не уйдёт обиженным» — для меня святое»

лать качественно. Прочитай «Перевал» Кира Булычёва. Это вроде сказка, но если вдуматься — там невероятные, интересные и глубокие вещи, связанные со становлением общества и развитием лирического героя. Булычёв открывает для нас как совершенно иной писатель. Его Алиса Селезнева прекрасна, но это совершенно поповская история. И, конечно, все-таки должен признать, что вызова сегодня в фантастике намного меньше, чем было раньше. Но это не про политику, это про проработку сюжетов, мотиваций, психологии. Вспомните Станислава Лема со своей трилогией, я имею в виду «Солярис», «Земля», «Непокедимый»: он рассказывал вещи, которые относились даже не к нам, а к Польше, но, тем не менее, эта была история цивилизации.

— Получается, сейчас фантастика — это чтение для отдыха?

— С одной стороны — да, но в то же время фантастика не стала мельчать, не превратилась в банальное и лёгкое чтение. Годы Стругацкие писали «Пикник на обочине», «Трудно быть Богом», то это, конечно, был некий протест, социальный вызов. Но «Необита-

емый остров» — чистый боник. А продолжения: «Жук в муравейнике», и я уже не говорю про «Улитку на склоне» — произведения совсем другого уровня. Сейчас это переосмысление нашей действительности — мы глядим в то, что происходит, и ищем новые смыслы. Это попытка поставить человека в нестандартные условия и посмотреть, что с ним будет. Хотя есть при этом место для книг, которые завязаны на воспитании, и я считаю, «Игра Эндера» Орсона Скотта Карда — гениальнейшая вещь. У нас её переписывают, причём очень плохо. Например, Глуховский в книге «Метро 2033» взял и содрал финал с «Эндера». Зачем вот так в лоб? Придумай уж сам. Вообще, отмечу, что мы становимся с тем, что идёт очень большой поток совершенно «никаких» произведений. Это началось не сегодня — когда рухнул «железнодорожный занавес», в книжных магазинах появилось много хороших, но вместе с тем — и это неизбежно — много мусора.

— Как считаете, на кого пытаются быть похожими нынешние фантасты? Ориентируются на отечественных классиков или на зарубежные образцы?

О ЛИЧНОМ...

Антон Стуликов — о своём знакомстве с фантастикой: — Моё восприятие фантастики сформировалось на двух романах. Случайно мне в руки попал один из томов библиотеки зарубежной фантастики — помните, как в фильме «Чародей» (по бессмертному роману братьев Стругацких «Понедельник начинается в субботу») герой Валерия Золотухина везёт двадцатитомник этой серии в подарок героине Александры Яковлевой. И в одном из томов было два совершенно разных романа: «Человек без лица» Альфреда Бестера и «Неукротимая планета» Гарри Гаррисона. Социально-философское произведение, практически антиутопия. И космический боевик. Благодаря этим двум вещам я буквально прикипел к фантастике во всём её многообразии. А если говорить о знакомстве с миром Стругацких, то в мои школьные годы однокурсник дал мне на одну ночь перепечатку «Пикника на обочине» (с машинописного текста на репринте — ксероксов тогда не было), и чтобы иметь её под рукой, я целую ночь надиктовывал её на бобиновый магнитофон.

— Слово сказать. Но мне кажется, что в этом смысле Сергей Лукьяненко — это своеобразный мостик от отечественной к зарубежной традиции, следом за которым пошли другие авторы: «Рыцари сорока островов» (крапивинская тема, по сути), «Лабиринт отражений» — целый жанр, ещё не ЛитРПГ*, но почти. «Дозоры», цикл «Центрум», начатый с его «Заставы». Ещё с 90-х годов он стал создавать какой-то микс — с одной стороны, это вампиры, которые явно относятся не к отечественной традиции, а с другой — чувствуются влияние Владислава Крапивина и Кира Булычёва. И на стыке этих традиций у нашей современной фантастики складывается идентичность. Ну а про зарубежье... На эту тему можно говорить бесконечно, но Саймак («Что может быть прозе времени») и «Заповедник гоблинов», Хайнлайн, Дик, упомянутый Кард. Но моя личная любовь — Желязны «Бог Света» (в других переводах «Князь Света»). А в целом, не было бы Жюль Верна и Герберта Уэллса, не было бы Обручева и Беляева.

КСТАТИ

В эти дни телекомпания «ОТВ» отмечает свой 20-летие. Коллектив «ОГ» поздравляет коллег с юбилеем

ЛитРПГ — относительно новый жанр фантастической литературы, основанный на субкультуре популярных ролевых компьютерных игр

Больше материалов — на oblgazeta.ru

Екатеринбург замахнулся на титул «Всемирной столицы книги»

Ещё в стадии решения вопрос об альянсе ЭКСПО-2025 и Екатеринбурга, а город готов предъявить ещё одну амбициозную заявку — в преддверии ЭКСПО организовать и провести здесь Евразийский книжный конгресс. Об этом в минувшую среду в столице Среднего Урала шла речь на масштабном круглом столе.

По мнению его участников, запуск совместно с Российским книжным союзом большого, долговременного культурного проекта мог бы повысить привлекательность Екатеринбурга, нацеленного на проведение ЭКСПО. На эту тему не возражал никто, а в обсуждении приняли участие известные писатели Урала, издатели, художники-иллюстраторы книг, библиотекари, члены Общественной палаты Свердловской области и общественные представители общественного оркестра «За книги!», выступившие с глобальной инициативой. Но вот относительно реализации идеи мнения разошлись — да так эмоционально, что оппоненты в какой-то момент чуть не ввязались в драку...

Подробнее о проекте, возможных путях его осуществления, мнениях авторов — в одном из ближайших номеров «ОГ».

Ирина КЛЕПИКОВА

На аукционе в Лондоне продано первое издание поэмы Александра Пушкина «Руслан и Людмила»

Изданная в 1820 году первая законченная поэма Александра Пушкина «Руслан и Людмила» продана на торгах в Лондоне. Лот был выкуплен за 93,75 тыс. фунтов стерлингов (\$125,36 тыс.), сообщает на сайте аукционного дома Christie's.

Изначально оценочная стоимость произведения русского поэта составляла 50–70 тыс. фунтов (\$66,9 — \$93,6 тыс.). Сборник стихотворений Александра Пушкина от 1826 года ушёл с молотка за 60 тыс. фунтов (\$80,2 тыс.), при этом эксперты оценивали его в 25–35 тыс. фунтов (\$33,4 — \$46,8 тыс.).

Отмечается, что главным лотом прошедших торгов стало третье издание книги английского путешественника Чарльза Дарвина «Происхождение видов путём естественного отбора, или Сохранение благоприятных рас в борьбе за жизнь» (1861 год) с его авторскими пометками. Лот выкупили за 788,75 тыс. фунтов (\$1,05 млн).

Оксана ЖИЛИНА

Тиражи? Как в СССР. Книжный Эдем «во глубине сибирских руд»

Ирина КЛЕПИКОВА

С недавних пор в литературном пространстве России Красноярск именуют не иначе как КрасноРАЙск. Когда на Екатеринбургском книжном фестивале его гости из Красноярска рассказали, кем и как взращены здесь райские кушты для поэтов и писателей, из зала раздались: «А можно Свердловскую область присоединить к вам?»... и Москву? — донеслось вдогонку.

Разговор о современных практиках книгоиздательства, где героем дня оказался Красноярск, собрал в большом зале Белкина тех, кто служит продвижению книги по сердечному влечению. Писателей, читателей. Жаль: нарочь не оказалось тех, кто «по долгу службы» — министерства культуры, уральских издателей. Слов нет, последние имениты, признаны и могут перебречь опытом коллег уже потому, что во многом преуспели сами. И всё же странно, что профессионалов не заинтересовал парадоксальный факт: **манной небесной для литераторов стал регион, в котором — внимание! — нет ни одного книжного издательства.** Только типография...

И в Красноярске годами книгоиздательство существовало на голом энтузиазме. Как везде. Пока однажды представители Фонда имени Виктора Астафьева в частной беседе, но на самом высоком уровне, губернатору, не выразили свою тревогу: в библиотеках края нечего предлагать читателям из книг сибирских авторов — те, что есть, давно зачитаны, стали ветхими, новые не издаются. И тревога была услышана. Результатом стала краевая грантовая программа «Книжное Красноярье». В 2007-м, в год её рождения, всё было впервые: первые участники, первые номинации, первые книги. Но приоритеты были заданы — в законе «О краевых социальных грантах». В 2013-м вышел отдельный закон о поддержке издательской деятельности. В целом же за десять лет бюджет

ПРЯМАЯ РЕЧЬ

Татьяна ШНАР, директор БУК «Дом искусств», г. Красноярск:

— Когда рассказываешь в подробностях о литературной жизни нашего края — не каждый верит. Например, по итогам российского Года литературы были выделены средства на писательские встречи с читателями. И только в этом году их уже состоялось более 150. При этом в Екатеринбурге у меня спросили: а получают ли наши писатели гонорар? Получают. И за книги. И за выезды-встречи с читателями. Кроме того, всё большую популярность приобретает проект «Писатели Красноярья в Сети» (также профинансированный), который рассказывает о книгах и авторах, попавших в грантовую программу «Книжное Красноярье», о том, в каких библиотеках находятся эти книги. Более того, в случае необходимости библиотеки имеют право сделать перепечатку выложенного в Сети художественного текста.

края в рамках «Книжного Красноярья» выделены на книгоиздательство 105 миллионов рублей. Изданы книги 118 названий общим тиражом 150 тысяч экземпляров — и тут не только произведения классика Виктора Астафьева, но и современных авторов. Кстати, нынче библиотеки края, имеющие право тратить 10 процентов от своего бюджета на закупку книг красноярских авторов, заказали больше книг именно молодых писателей. Современники. Никто не навязывал «список». Заказ формируется исходя из читательского спроса. А он именно таков, поскольку десять лет идёт перманентное, в интересах всех участников процесса, сотрудничество писателей, типографий (читай: издателей), библиотек и читателей. Сбоя нет и не предвидится, поскольку «приводные ремни» — в руках... законодателей. Куда уж надёжнее.

Энтузиазм, в том числе и книгоиздательский, — дело благодарное. Но он имеет неприятное свойство иссякать, если не регламентируется и не подпитывается финансированием. Это всё равно как с собственными книгами: написать её можно и по вдохновению, а издать, извините, — только за денежки. Вряд ли «Книжное Красноярье» существовало бы столько долго и успешно, если бы вопреки общераспространённому тренду «культура — по остаточному принципу» Законодательное собрание края ежегодно не утверждало бы эту грантовую программу и её бюджет. А утверждено — работает как закон. То есть обя-

зателен к исполнению, а не «в зависимости от финансовых возможностей». На последнем, как известно, рушатся многие благие намерения в сфере культуры.

В литературном Красноярске ничего не рухнуло. Напротив — год от года приумножается. И не потому, что деньги «падают». «Падают» они не просто так: каждая из полупура десятков типографий должна добиться права на книгоиздательский госзаказ, наилучшим образом презентовать то, что хочет издать. Как правило, это вступительная статья в книге или сборнику. Соответственно, типография, всего-то — производственное предприятие, должна продемонстрировать класс игры не только в полиграфии, но и литературе. Видимо, получается, поскольку с 2016 года грантовая программа книгоиздателям обогатилась новой, брендовой для края, номинацией — «Литературное наследие Красноярска». Задача — напомнить, а кому-то открыть знакомые имена и талантливые произведения писателей, составляющих литературную славу края. Для осуществления идеи образована специальная редколлегия (литературоведы, преподаватели, библиотекари), которая и формирует круг авторов и книг, рекомендуемых к переизданию. «Литературное наследие...» составляет книжную серию, выходит в едином оформлении, с собственной символикой. И, наконец, обязательство, принципиальное в нашей теме: под брендовую номинацию будет значитель-

но увеличен фонд грантового конкурса.

...Бывшая, и нередко, в книжных магазинах Урала, с досадой всякий раз отмечаю: в нынешнем книжном изобилии новинки уральских издателей смотрятся сиротливым придатком. Даже если их приличное количество, и они представлены единым разделом (правда, иногда с сомнительным названием «Краеведение»). Но сами издатели и это почитают за благо: прежде уральские новинки размещались на нижних полках, подальше. В сравнении с этим востребованность произведений сибирских авторов в своём крае — тоже нечто из райской мечты. Достаточно напомнить о двух широко известных в России книжных фестивалях: «КУБ» («Книга. Ум. Будущее») и Красноярской ярмарке книжной культуры, больше известной среди литераторов и книголюбцев как «КРЯКК». На нынешнем КУБе, например, за неделю прошло 105 мероприятий в десяти городах края. Местом действия были главным образом библиотеки, а под них, начиная с российского Года литературы, законодательно тоже утверждена программа финансирования и развития. На телефоне одного из представителей Красноярска понащипывались увидеть фото нескольких сибирских библиотек. Зайдёшь — и уйти не захочешь...

Екатеринбургский книжный фестиваль, теряя с годами общественный резонанс, нынче тем не менее попал в десятку, поднимая жизненно важную для уральской литературы тему. И завидный опыт преподавателя в качестве примера. Один из уральских издателей (узнав, правда, о разговоре «опослать») уже планирует выезд в Красноярск — за подробностями. Только будет ли польза, если он один? Секрет красноярского феномена в командной работе и солидарном понимании: культура — результат всегда откровенного действия, временщик в неё вкладывается, не будет, а вот другой... Красноярск заинтересовал литературную Россию, сделал заботу на длительную дистанцию.

Ксения КУЗНЕЦОВА

В свет вышла книга «Неузнаваемый воздух» филолога, литературного критика, поэта Юлии Подлубновой. Это интересно, это не книга размышлений или неbenefic конкретного поэта, а масштабное исследование о срезе уральской литературы конца XX — начала XXI века.

Хотя работа Юлии дополняет созданные ранее исследования других авторов, но явно отлична от них по стилистике: энциклопедические статьи и научные выкладки гармонично сочетаются с обычными рецензиями. Выходит, книга, написанная как бы для «своих» (в литературных кругах она активно обсуждается), в то же время будет интересна и массовому читателю.

— Юлия, вы в своей книге ушли от понятия «феномен» при определении такого явления, как уральская поэтическая школа, почему?

— Вообще, феномен поэтической школы существует, но, во-первых, он более локальный, во-вторых, центрируется вокруг фигуры учителя. То, что Виталий Кальпиди называет уральской поэтической школой — это не феномен, а явление совсем другого порядка. Он это определяет как культурный проект, что я считаю правильным. По сути, такая модель уральской поэзии — его авторский проект: он собрал целый ряд поэтов, которых считает репрезента-

КНИЖНАЯ ПОЛКА

«Вы хотите, чтобы поэты собирали стадионы?»

СТРУКТУРА КНИГИ

Первый раздел — статьи обобщающего характера. Конечно, невозможно рассмотреть исчерпывающе все аспекты уральской поэзии, но автор попытался понять некоторые важные вещи: какова поколенческая стратификация в рамках современной уральской поэзии, какое место в современной уральской поэзии занимает уральская школа как проект, альтернативные проекты и проч. Второй раздел — персоналии. Тут и Екатерина Симонова, и Алексей Сальников, и Виталий Кальпиди, и Наталья Стародубцева. Наконец, третий — рецензии на поэтические книги последних шести лет.

тивными в рамках своей концепции, и представил как некое поэтическое движение, отразив его в своих антологиях (вышло 3 тома), энциклопедии. Это около 150 имён, что очень много. Кого-то он принципиально обошёл, вниманием, кого-то выделил, но при всём этом и дальше продолжает привлекать к своему проекту новых поэтов. Другими словами, школы как таковой нет: какой-то системности, сконцентрированной во круг учителя. Есть движение и есть мощный культуртрегер Виталий Кальпиди, которого поддерживает издатель (можно сказать — продюсер) Марина Волкова. То, что они делают — интересно, но школой не является.

— Если поэтической уральской школы нет, тогда с чем мы имеем дело?

— Скорее, можно говорить о бешеной поэтической активности уральцев. Не случайно поэт и критик Валерий Шубинский недавно заметил: «Урал в последнее время стал одним из главных центров русской поэзии...».

— Почему, имея такую активность, поэзия остаётся закрытой средой?

— Вы хотите, чтобы поэты собирали стадионы? Для этого нужно другое время, иные условия: другой воздух, смена культурной политики в стране. Поэзия расцветает во времена свободы. Вспомните, был Серебряный век, а по-

Автор книги Юлия Подлубнова

для широких масс. У нас так называемый толстожурнальный формат. Наверно, нужно иметь несколько дилетантский взгляд, чтобы писать для всех и каждого. И ещё, многое зависит от издания, где публикуешься, от его запроса на простоту или сложность. На самом деле за простотой не надо гнаться, зачем? Культура — вещь сложная.

— Для какой аудитории писалась книга «Неузнаваемый воздух»?

— С одной стороны, для специалистов, которые находятся в курсе развития современной поэзии, следят за публикациями в литературных и научных журналах. С другой, в книге имеется целый ряд рецензий (они были созданы для разных изданий, в том числе специально и для этой книги), написанных максимально просто. Обратите внимание на жанр: не сборник статей, эссе или рецензий — это просто книга, и она варьирует подходы и языки. Она для разной аудитории, и именно это пыталась показать в книге на примере поэтов, которые разные: у каждого свой подход к жизни, свои способы работы со словом.